

без автора

**Повесть о старике Такэтори
(Такэтори-моногатари)**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3

ББК 84

без автора

Повесть о старике Такэтори (Такэтори-моноготари) / без автора – М.: Книга по Требованию, 2011. – 36 с.

ISBN 978-5-4241-2801-1

«Повесть о старике Такэтори» («Такэтори-моноготари», или «Такэтори-но окина моноготари») была известна также под названием «Повесть о Кагуя-химэ». Автор неизвестен. Существует гипотеза, что создателем ее был Минамото-но Ситаго (911-983), известный поэт и ученый. Время создания в точности не установлено, но уже в XI веке «Повесть о старике Такэтори» считали «прародительницей всех романов». Видимо, она появилась в самом конце IX века или в начале десятого. С тех пор и до нашего времени повесть эта пользуется огромной популярностью среди японских читателей. Она оказала большое влияние на поэзию, роман, театр Японии. Изучение памятника началось уже в средние века и идет со все возрастающей интенсивностью, но многие спорные вопросы до сих пор еще не разрешены. В «Повести о старике Такэтори» сплетены сказочно-фантастические мотивы самого разнообразного происхождения: японские, китайские, индийские. Одни из них взяты из самой гущи японского фольклора, другие навеяны буддийскими и даосскими легендами. Бытовая основа содержит в себе моменты острой социальной сатиры. Возможно, что отдельные сатирические стрелы были пущены в знатнейших сановников из правящего рода Фудзивара. Структура «Такэтори-моноготари» уникальна и представляет собой большой интерес для истории и теории романа.

ISBN 978-5-4241-2801-1

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Повесть о старике Такэтори

I. Чудесное рождение Кагуя-Химе

Не в наши дни, а давно-давно жил старик Такэтори. Бродил он по горам и долинам, рубил бамбук и мастерил из него разные изделия на продажу. Потому и прозвали его Такэтори – «тот, кто добывает бамбук». А настоящее имя его было Сануки-но Мияцукумаро.¹

Вот однажды зашел старик Такэтори в самую глубину бамбуковой чащи и видит: от одного деревца сияние льется, словно горит в нем огонек. Изумился старик, подошел поближе, смотрит – что за диво! В самой глубине бамбукового ствола сияет ярким светом дитя – прекрасная девочка ростом всего в три вершка.

И сказал тогда старик:

– С утра и до позднего вечера собираю я бамбук в лесу, плету из него корзины и клетки, а нынче досталась мне не клетка, а малолетка,² не плетушка, а лепетушка. Видно, суждено тебе стать моей дочерью.

Взял он ее бережно и отнес домой, а дома поручил заботам своей старухи. Красоты девочка была невиданной, но такая крошечная, что положили ее вместо колыбели в клетку для певчей птицы.

С той самой поры, как пойдет старик Такэтори в лес, так и найдет чудесный бамбук: в каждом узле золотые монеты. Понемногу стал он богатеть.

Росла девочка быстро-быстро, тянулась вверх, как молодое деревцо. Трех месяцев не минуло, а уж стала она совсем большой, как девушка на выданье. Сделали ей прическу, какую носят взрослые девушки,³ и с должными обрядами надели на нее длинное мо.⁴

Из-за шелковой занавеси девушку не выпускали, чтоб чужой глаз не увидел, – так берегли и лелеяли. Ни одна красавица на свете не могла с ней сравниться нежной прелестью лица. В доме темного угла не осталось, все озарило сиянье ее красоты. Нападет иной раз на старика недуг, но взглянет он на свою дочь – и боль как рукой снимет. Возьмет его досада – рассердится, а только увидит ее – и утешится.

Долгое время еще ходил старик Такэтори в лес за бамбуком. Каждый раз находил он дерево, полное золотых монет, и стал неслыханным богачом.

Когда найденная дочь его совсем выросла, призвал старик Такэтори жреца Имбэ-но Акита из Мимуро-до,⁵ и Акита дал ей имя Наётакэ-но Кагуя-химэ,⁶ что значит: «Лучезарная дева, стройная, как бамбук».

Три дня праздновали радостное событие. Старик созвал на пир всех без разбору. Пенью, пляскам конца не было. Славно повеселились на этом торжестве!

II. Сватовство знатных женихов

Люди всех званий, и простые и благородные, наслышавшись о несравненной красоте Кагуя-химэ, влюбились в нее с чужих слов, только и думали, как бы добыть ее себе в жены, только и мечтали, как бы взглянуть на нее хоть раз. Даже близким соседям, даром что жили они возле самой ограды, у самых дверей ее дома, и то не просто было увидеть Кагуя-химэ. Но влюбленные, глаз не смыкая, все ночи напролет бродили вокруг ограды и, проделав в ней дырки, заглядывали во двор и вздыхали: «Где ж она? Где ж она?» – а многим слышалось: «Где жена? Где жена?» Влюбленные вздыхали: «Мы тоскуем, мы плачем, а от нее ни привета, ни вести...» А людям слышалось: «Мы тоскуем о невесте, о невесте...» Так родились слова «жена» и «невеста».⁷

Знатные женихи толпою шли в безвестное селение, где, казалось бы, не могла скрываться достойная их любви красавица, но только напрасно труды потеряли. Пробовали они передавать весточки Кагуя-химэ через ее домашних слуг – никакого толку.

И все же многие упрямы не отступились от своего. Целые дни, все ночи бродили они вокруг да около. Те же, любовь которых была неглубока, решили: «Ходить понапрасну – пустое дело». И оставили тщетные хлопоты.

Но пятеро из несметного множества женихов – великие охотники до любовных приключений – не хотели отступить. Один из них был принц Исицукури, другой – принц Курамоти, третий был правый министр⁸ Абэ-но Мимурадзи, четвертый – дайнагон⁹ Отомо-но Миюки и, наконец, пятый – тюнагон¹⁰ Исоками-но Маро.

Вот какие это были люди.

На свете множество женщин, но стоит, бывало, этим любителям женской красоты прослышать, что такая-то хороша собою, как им уже не терпится на нее посмотреть. Едва дошли до них слухи о прекрасной деве Кагуя-химэ, как они загорелись желанием увидеть ее, да так, что не могли ни спать, ни пить, ни есть, – совсем от любви обезумели. Пошли к ее дому. Сколько ни стояли перед ним, сколько ни кружили около – все напрасно! Пробовали посылать письма – нет ответа! Слагали жалостные стихи о своей любовной тоске – и на них ответа не было. Но никакая суровость не могла отпугнуть их, и они продолжали приходить к дому Кагуя-химэ и в месяц инея,¹¹ когда дороги засыпаны снегом и скованы льдом, и в безводный месяц,¹² когда в небе грохочет гром и солнце жжет немилосердно.

Однажды женихи позвали старика Такэтори и, склонившись перед ним до земли, молитвенно сложив руки, стали просить:

– Отдай за одного из нас свою дочь! Старик сказал им в ответ:

– Она мне не родная дочь, не могу я ее приневоливать. Влюбленные разошлись по домам, опечалась, и стали взывать к богам и молить, чтобы послали им боги исцеление от любовного недуга, но оно все не приходило. «Ведь придется же и этой упрямецке когда-нибудь избрать себе супруга», – с надеждой думали женихи и снова отправлялись бродить вокруг дома Кагуя-химэ, чтобы она видела их постоянство. Так своей чередой шли дни и месяцы.

Как-то раз старик, завидев у своих ворот женихов, сказал Кагуя-химэ:

– Дочь моя драгоценная! Ты божество в человеческом образе¹³ и я тебе не родной отец. Но все же много забот положил я, чтобы вырастить тебя. Не послушаешь ли ты, что я, старик, тебе скажу?

Кагуя-химэ ему в ответ:

– Говори, я все готова выслушать. Не ведала я до сих пор, что я божество, а верила, что ты мне родной отец.

– Утешила ты меня добрым словом! – воскликнул старик. – Вот послушай! Мне уже за седьмой десяток перевалило, не сегодня-завтра придется умирать. В этом мире уж так повелось: мужчина сватается к девушке, девушка выходит замуж. А после молодые ставят широкие ворота: семья у них множится, дом процветает. И тебе тоже никак нельзя без замужества.

Кагуя-химэ молвила в ответ:

– А зачем мне нужно замуж выходить? Не по сердцу мне этот обычай.

– Вот видишь ли, хоть ты и божество, но все же родилась в женском образе. Пока я, старик, живу на свете, может еще все идти по-прежнему. Но что с тобой будет, когда я умру? А эти пятеро знатных господ уже давно, месяц за месяцем, год за годом ходят к тебе свататься. Поразмысли хорошенько, да и выбери одно-го из них в мужья.

Кагуя-химэ ответила:

– Боюсь я вступить в брак опрометчиво. Собой я вовсе не такая уж красавица. Откуда мне знать, насколько глубока их любовь? Не пришлось бы потом горько каяться. Как бы ни был благороден и знатен жених, не пойду за него, пока не узнаю его сердца.

– Ты говоришь, словно мысли мои читаешь! Хочется тебе наперед узнать, сильно ли любит тебя твой суженый. Но все женихи твои так верны, так постоянны... Уж, верно, любовь их не безделица.

– Как ты можешь судить об этом? – отвечала Кагуя-химэ. – Надо сначала испытать их любовь на деле. Все они как будто равно любят меня. Как узнать, который из них любит всего сильнее? Передай им, отец, мою волю. Кто из них сумеет добыть то, что я пожелаю, тот и любит меня сильнее других, за того я и замуж выйду.

– Будь по-твоему, – сказал старик Такэтори.

В тот же вечер, только стало смеркаться, женихи, как обычно, пожаловали к дому Кагуя-химэ. Кто играет на флейте, кто напевает любовную песню, кто поет, вторя себе на струнах, кто вполголоса тянет напев, а иной просто постукивает своим веером... Выходит к ним старик и говорит:

– Мне, право, совестно перед вами. Вот уж сколько времени вы ходите к моей убогой хижине, и все понапрасну. Говорил я своей дочери: «Не сегодня-завтра мне, старику, умирать. Сватаются к тебе знатные, именитые женихи. Выбери из них любого, к тебе по сердцу». А она в ответ: «Хочу испытать, так ли велика их любовь, как они в том клянутся». Что ж, против этого не поспоришь! И еще она сказала: «Все они как будто равно любят меня. Хочу узнать, который из них любит меня всех сильнее, Передай им, отец, мои слова: „Кто сумеет достать мне то, что прошу, за того и пойду замуж“». Я похвалил ее, хорошо придумала. Остальные тогда не будут в обиде.

Женихи тоже согласились: «Мудро она решила». И старик пошел сказать своей дочери: «Так-то и так. Согласны они достать тебе все, что ты прикажешь».

Кагуя-химэ тогда молвила:

– Скажи принцу Исицукури, есть в Индии каменная чаша,¹⁴ по виду такая, с какой монахи ходят собирать подаяния. Но не простая она, а чудотворная – сам Будда с ней ходил. Пусть отыщет ее и привезет мне в подарок. Принцу Курамоти скажи, есть Восточном океане чудесная гора Хорай.¹⁵ Растет на ней дерево – корни серебряные, ствол золотой, вместо плодов – белые жемчужины. Пусть сорвет с того дерева ветку и привезет мне. – И, подумав немного, продолжала: – Правому министру Абэ-но Мимурадзи накажи, чтобы достал он мне в далеком Китае платье, сотканное из шерсти Огненной мыши.¹⁶ Дайнагон Отомо пусть добудет для меня камень, сверкающий пятицветным огнем,¹⁷ – висит он на шее у дракона. А у ласточки есть раковинка,¹⁸ помогает она легко, без мучений детей родить. Пусть тюнагон Исоноками-но Маро подарит мне одну такую.

– Трудные задачи ты задала, – смутился старик. – Не найти и в чужих странах таких диковинок. Как я им скажу, чего ты от них требуешь?

– А что здесь трудного? – улыбнулась Кагуя-химэ.

– Будь что будет, пойду уж, скажу. Вышел к женихам и говорит:

– Так-то и так. Вот что Кагуя-химэ от вас требует. Принцы и сановники вознегодовали:

Зачем она задала нам такие трудные, такие невыполнимые задачи? Уж лучше бы попросту запретила нам ходить сюда, – и пошли в огорчении домой.

III. Каменная чаша Будды

Для принца Исицукури и жизнь была не в жизнь без Кагуя-химэ. Стал он ломать голову, как ему быть. «Даже там, в далекой Индии, чаша эта одна-единственная, – думал он. – Пусть я пройду путь длиной в сотню тысяч ри,¹⁹ но как знать, найду ли ее?»

Человек он был изворотливый, хитрого ума. «Нынче отправляюсь в Индию искать чудесную чашу», – велел он сказать Кагуя-химэ, а сам скрылся подальше от людских глаз.

Когда же минуло три года, взял он, не долго думая, первую попавшуюся старую чашу для сбора подаяний. Стояла эта чаша, вся покрытая черной копотью, перед статуей блаженного Пиндолы²⁰ в храме на Черной горе в уезде Тоти провинции Ямато. Принц Исицукури положил чашу в мешочек из парчи, привязал его к ветке из рукодельных цветов²¹ и понес в дар Кагуя-химэ.

«Может ли быть?!» – подумала в изумлении Кагуя-химэ. Смотрит, в чашу письмо вложено. Развернула она письмо и прочла:

Миновал я много
Пустынь и морей, искал
Эту чашу святую...
День и ночь с коня не слезал
Кровь ланиты мои орошала...

Кагуя-химэ взглянула на чашу, не светит ли она, но не приметно было даже того слабого сияния, какое исходит от светлячка. И она вернула чашу, послав вместе с ней такие стихи:

Капля одна росы
Ярче сияет утром
Дивной чаши твоей.
Зачем ты ее так долго
Искал на Черной горе?

Принц бросил чашу перед воротами и в сердечной досаде воскликнул:

В сиянье Белой горы²²
Померкла дивная чаша.
Я ли виновен в том?
Испил я чашу позора,²³
Но не оставил надежды...

С тех пор и пошла поговорка про таких бесстыдников: «Испить чашу позора».

IV. Жемчужная ветка с горы Хорай

Принц Курамоти был человеком глубокого ума. Он испросил себе отпуск у императорского двора якобы для того, чтобы поехать купаться в горячих источниках на острове Цукуси.²⁴ Но прекрасной Кагуя-химэ велел сказать: «Отправляюсь искать жемчужную ветку на горе Хорай», – и отбыл из столицы. Челядинцы проводили его до гавани Нанива,²⁵ а там принц сказал, что едет по тайному делу, лишних людей ему не надо. Оставил при себе только самых близких слуг, остальных отпустил домой.

Но принц только для отвода глаз говорил, что едет в Цукуси, а сам через три дня тайно вернулся на корабле в гавань Нанива. Он заранее повелел, чтобы призвали шестерых первейших в стране мастеров златокузнечного дела. Выстроил для них дом в таком потаенном месте, куда не могли бы наведаться любопытные, вокруг дома возвел тройную ограду и поселил в нем мастеров. Да и сам принц укрылся там от чужих взглядов. Молясь об успехе дела, принес он в дар богам шестнадцать своих поместий и велел мастерам с божьей помощью приступить к работе. И мастера изготовили для принца в точности такую жемчужную ветку, какую пожелала Кагуя-химэ. Хитроумную уловку придумал принц.

Через три года сделал он вид, будто возвратился в гавань Нанива из дальнего странствия, и прежде всего послал в свой собственный дворец извещение: «Я прибыл на корабле». Прикинулся, будто еле жив, так измучен трудной дорогой! Навстречу ему вышло множество народу.

Принц положил драгоценную ветку в длинный дорожный сундук, накинул на него покрывало и повез в дар Кагуя-химэ.

Пошла в народе громкая молва:

«Приехал из дальних стран принц Курамоти и привез с собою волшебный цветок Удумбара...»²⁶

Услышала эти толки Кагуя-химэ, и сердце у нее чуть не разорвалось от горя и тревоги: как знать, быть может, принц Курамоти и в самом деле одержал над ней победу?

Тем временем раздался стук в ворота: «Принц Курамоти пожаловал».

– Я, как был, в дорожном платье... – воскликнул принц, и старик поспешил ему навстречу. – Жизни не жалея, добыл я эту жемчужную ветку. Покажите ее Кагуя-химэ.

Старик отнес ветку девушке. Глядит она, к ветке послание привязано с какими стихами:

Пускай бы вдали от всех
Погиб я смертью напрасной
В далекой, чужой стороне,
Но я бы вовек не вернулся
Без этой ветки жемчужной...

Хорош был подарок, но Кагуя-химэ и глядеть на него не хотела.

Тут старик Такэтори опять торопливо вбежал в ее покой и стал убеждать и уговаривать:

– Смотри, принц достал тебе жемчужную ветку с горы Хорай, в точности такую, как ты велела, сомневаться нечего. Чем теперь ты станешь отговаривать-

ся? Принц приехал прямо к нам, как был, в дорожном наряде, даже дома не побывал. Ну же, не упрямясь, выйди к нему скорее!

Но Кагуя-химэ, не отвечая ни слова, оперлась щекой на руку и погрузилась в невеселую думу.

А принц поднялся па веранду с видом победителя, словно говоря: «Теперь-то уж она не сможет отказать мне».

Старик тоже считал, что так и должно быть.

– Жемчужные деревья в нашей стране не растут, – сказал он Кагуя-химэ. – Нелегко, верно, было сыскать такое. Как ты на этот раз откажешь жениху? И собой он загляденье как хорош!

– Не хотелось мне ответить на просьбу моего отца решительным отказом, – жаловалась Кагуя-химэ, – вот я и попросила ненужную вещь, ее и в руки-то брать не хочется. Не ждала я, что он ее добудет. Что делать теперь? Что делать?

Но старик Такэтори, не слушая дочери, стал готовить опочивальню для молодых. Спросил он у принца Курамоти:

– Где растет такое дерево красоты небесной, чудесной, небывалой?

Начал принц рассказывать:

– Позапрошлый год в десятый день второго месяца отплыл я на корабле из гавани Нанива. Вышел корабль в открытое море, а куда плыть – не знаю. Но подумал я: «К чему мне жить, если не достигну я цели всех моих помыслов? Пусть же плывет корабль по воле ветра, куда понесут волны. Смерть, так смерть, но если суждено мне жить, то, верно, уж где-нибудь встретится мне этот чудесный остров Хорай».

Унесло мой корабль в неведомые просторы океана, далеко от родной страны. Много бед встретили мы на своем пути. Порою волны так вздувались и бушевали, что казалось, вот-вот поглотит нас морская пучина. Иной раз корабль прибывало волнами к берегам неизвестной земли. Нападали на нас страшные, похожие на демонов, существа,²⁷ угрожая пожрать живьем. Бывало и так, что теряли мы направление, не понимая, откуда и в какую сторону плывем, и становились игрушкой волн. Когда кончались запасы пищи, собирали мы съедобные травы и коренья на берегах безвестных островов, чтобы только не умереть с голоду. А однажды вдруг, откуда ни возьмись, появилось чудовище, – не описать словами его ужасного вида, – и, разинув пасть, напало на меня и моих спутников. Случалось, мы поддерживали свою жизнь только морскими ракушками. Сколько тяжких недугов перенесли мы в пути под открытым небом, там, где не от кого ждать помощи! Не знали, куда плывем, жутко было на душе...

Так неслись мы на корабле по воле морских течений, и вот на пятисотый день пути... Да, как раз на пятисотый день, утром, в «час Дракона»,²⁸ вдруг в морской дали показалась гора! Все мы на корабле сгрудились вместе и смотрели на нее, не отводя глаз. Большая гора точно плыла по морю нам навстречу. Как прекрасна была ее высокая вершина! «Вот она, та самая гора, которую я ищу!» – подумалось мне, и страшно стало на душе и радостно.

Два-три дня плавали мы вокруг горы, любуясь на нее. Вдруг видим, вышла из самых ее недр молодая дева в одеянии небесной феи. Стала она черпать воду из ручья серебряным кувшинчиком. Тут сошли мы с корабля на берег. Спросил я у нее: «Как зовется эта гора?» Дева ответила мне: «Зовут ее Хорай». Не могу и описать, какую радость почувствовал я в ту минуту. Спросил я еще: «Как тебя

величают по имени?» Ответила она: «Имя мое Уканрури – „Бирюза в венце“», – и с этими словами вдруг пропала в глубине горы.

А гора крутая, нигде не видно подступа к вершине. Стал я бродить по острову.

Всюду на горных склонах росли деревья, усыпанные невиданными цветами дивной красоты. Журча, сбегали вниз ручьи и потоки, золотые, серебряные, лазоревые, а над ними висели мосты, украшенные драгоценными камнями всех цветов радуги. Деревья вокруг так и светились, так и сияли! Растение с жемчужными ветками было среди них самым невзрачным, но я не посмел послушаться приказа Кагуя-химэ и сломил с него ветку. Гора Хорай невыразимо прекрасна! Нет ей равных на свете, – можно без конца любоваться. Но только сорвал я эту ветку, как поспешил назад, на корабль. Сердце торопило меня скорей вернуться на родину. К счастью, подул попутный ветер, и спустя четыре сотни дней с небольшим мы уже увидели родной берег. Боги послали мне благополучное возвращение на родину в ответ на мои горячие молитвы. Только вчера возвратился я в столицу и, даже не сбросив с себя одежды, еще влажной от соленой морской воды, поспешил сюда. И вот я здесь!

Старик выразил свое сердечное сочувствие в такой песне:

День за днем искал я бамбук
На горе в бессолнечной чаще
Я узлы его разрубал,
Но встречался ты с горем чаще,
Разрубая узлы судьбы.

Принц молвил в ответ:

– Да, много я горя вытерпел, но сегодня наконец мое измученное сердце нашло покой. – И сложил ответную песню:

Сегодня просох мой рукав,
Росой моих слез окропленный,
Росою любовной отравы...
О травы, на летних лугах,
Не счесть вас, как муки мои!

Но, как на грех, в эту самую минуту во двор ввалилась гурьба людей. Было их шестеро. Один из них нес письмо, как подобает, на конце длинной расщепленной трости.²⁹

– Я – старшина мастеров златокузнечного дела из дворцовой мастерской, – объявил он. – Зовут меня Аябэ-но Утимаро. Изготовил я вместе с моими подручными жемчужную ветку. Больше тысячи дней трудились мы не покладая рук, постились по обету, не брали в рот до конца работы ни риса, ни другого какого-нибудь зерна,³⁰ но награды за свои труды не получили. Прошу уплатить мне, чтоб мог я поскорее вознаградить моих помощников.

– О чем толкует этот человек? – недоуменно спросил старик Такэтори.

Принц от смущения был сам не свой, душа у него готова была расстаться с телом.

До слуха Кагуя-химэ долетели слова: «...изготовил я жемчужную ветку».

Она потребовала:

– Покажите мне прошение этих людей. Раскрыла она прошение и прочла:

«Милостивый господин принц! Больше тысячи дней мы, подлые ремесленни-